

ПРОЛОГ

В так называемых фермерских домах в Дели уже давным-давно не живут фермеры. Название сохранилось до сих пор, но теперь это словосочетание используется для обозначения уютных роскошных гнездышек для уединения по выходным, принадлежащих людям намного богаче фермеров. Это место сразу за городом, где не нанесенные ни на одну карту грязные улочки, хаотично перерезающие бедные деревушки, вдруг упираются в роскошные коттеджи, окруженные огромными садами с фонтанами и скульптурами. Однажды я даже видел сад с собственной миниатюрной железной дорогой. Тут проводятся лучшие вечеринки в Дели; устроители мероприятий по желанию клиента организуют вечеринку в стиле «Оскар-найт» со знаменитой красной дорожкой, воссоздадут бродвейскую и лас-вегасскую атмосферу, а для особо тоскующих по родному колориту подготовят панджаби-вечеринку, обслуживать которую будут официанты в национальной одежде.

Одним туманным вечером в конце 2010 года я присутствовал на одной из знаменитых декадентских гулянок в элитном пригороде Дели, своего рода индийском Хэмптонсе*. Слуги парковали подъезжающие черные Bentley и красные Porsche, а хозяева радушно угощали гостей говядиной, привезенной самолетом из японского Кобе, белыми трюфелями из Италии и белужьей икрой из Азербайджана. Разговаривать при грохочущих, пульсирующих звуках техно было довольно трудно, но мне все же удалось завязать беседу с двадцатилетним сыном владельцев всего этого великолепия от полусвета «фермерских домов», классическим представителем своего класса. Парень работал в экспортной компании своего отца; одет он был в узкую черную рубашку, волосы блестели от геля. Услышав, что я приехал из Нью-Йорка в поисках выгодных инвестиционных возможностей, мой собеседник пожал плечами и произнес: «Ну да. Куда же еще вкладывать деньги?»

Куда же еще вкладывать деньги? С той вечеринки я ушел около полуночи, еще до подачи главного блюда, но его комментарий не давал мне покоя. Учитывая, что мы инвестируем именно в развивающиеся (их еще называют зарождающимися, формирующимися, растущими)

---

* Роскошный американский курорт на побережье Атлантического океана. *Прим. ред.*

рынки, слова эти должны были бы стать бальзамом для моих ушей. В конце концов, за прошедшее десятилетие наш портфель увеличился в три раза, до 30 миллиардов долларов, и, если данная тенденция сохранится — а юный богач с вечеринки, очевидно, считал это само собой разумеющимся, — инвесторы нашего направления просто «обречены» стать хозяевами вселенной.

Тем не менее меня стала преследовать совсем другая мысль: будто я настолько опьянен собственным преуспеванием, что мое абсолютное благополучие начинает меня серьезно беспокоить. Моя карьера инвестора началась в середине 1990-х, когда в развивающихся странах в одной за другой разразился экономический кризис и их рынки считались проблемными чадами финансового мира. Однако к концу десятилетия некоторые из моих коллег, пытаясь подобрать горсть-другую «звездной пыли», оставшейся после бума высоких технологий в США, начали называть эти сырые активы не «развивающимися» (emerging), а e-merging* рынками.

В инвестиционных кругах над развивающимися рынками подтрунивали; их называли нарушителями всем известного правила 80/20, согласно которому 80 процентов прибыли инвестор получает от 20 процентов наиболее выгодных клиентов. Большую часть времени послевоенной истории (речь идет о Второй мировой войне) на формирующиеся рынки приходилось 80 процентов мирового населения, но всего 20 процентов объема производства. В 1960-х и 1970-х годах, когда Латинская Америка была на подъеме, Африка и значительная часть Азии переживали период экономического спада. А в 1980-х и 1990-х, когда в Азии быстро ширились площади обрабатываемых земель, страны Латинской Америки никак не могли согласовать свои усилия с целью роста, а Африку вообще окрестили Безнадежным континентом. Еще в конце 2002 года крупные инвесторы денежного рынка — в том числе пенсионные и образовательные фонды — считали формирующиеся рынки либо слишком маленькими, чтобы рассматривать их как объекты для вложения многомиллиардных средств, либо просто слишком рискованными, ибо огромные страны, такие как Индия, казались инвесторам чем-то вроде «дикого Востока».

И вот теперь, всего несколько лет спустя, я стоял рядом с избалованным индийским пареньком в пульсирующем грохоте музыки, и он явно считал себя хозяином мира по той причине, что его отец — один

---

* В переводе с англ. что-то вроде «сливающиеся благодаря цифровым технологиям». *Прим. перев.*

из тридцати тысяч долларовых миллионеров Дели, большинство из которых разбогатели совсем недавно. Парень еще практически не видел жизни за воротами уединенной роскошной «фермы» его родителей, и все же он знает достаточно, чтобы, словно попугай, высказывать свое суждение по поводу формирующихся рынков: куда же еще вкладывать деньги?

Надо признать, последние тенденции явно на его стороне. Потоки частного капитала в развивающиеся страны увеличились с 200 миллиардов долларов в 2000 году до почти триллиона в 2010 году. Даже на Уолл-стрит эксперты в один голос твердят, что Запад окончательно вошел в период экономического спада, следовательно, деньги просто не могут не перетекать с Запада на Восток и Юг.

А еще мне в голову пришла мысль: как же сильно это резкое изменение настроений повлияло на поведение и суждения политиков и бизнесменов самих развивающихся стран. Почти десять лет назад я ездил в Египет и просто не мог не чувствовать себя почетным гостем премьер-министра Ахмеда Назифа. Он пригласил фотографов из десятков СМИ для десятиминутной фотосессии, а потом разместил мою физиономию в финансовых периодических изданиях — как демонстрацию важного факта, что иностранные инвесторы начали обращать внимание на его страну. А теперь перенесемся в октябрь 2010 года, когда я выступал в Москве с телевизионной презентацией для премьер-министра России Владимира Путина, в которой не слишком восторженно высказался о финансовом будущем его страны. Некоторые местные СМИ отреагировали на мою речь весьма колкими насмешками, заявив, например, что Россия прекрасно обойдется и без моих денег.

В середине прошлого десятилетия казалось, что все кому не лень могут найти деньги для формирующихся рынков. Теперь оказалось, что это не так. Однако, как свидетельствует история, экономическое развитие происходит по правилам игры «Змеи и лестницы». Прямой дороги к успеху не существует, а пропуски хода и возвраты случаются куда чаще, чем переход на несколько шагов вперед, и это означает, что упасть гораздо легче, чем подняться. Страна может уверенно двигаться вперед десятилетие, два, три, а потом оказаться отброшенной далеко назад, и ей приходится все начинать сначала, причем, возможно, не раз. А конкуренты тем временем уходят все дальше. И случается это несравненно чаще, нежели выпадает удачная фишка, в одночасье переносящая к победным вершинам. Конкурентов вокруг огромное множество, а поистине прорывных экономик всего несколько, и список этот постоянно меняется.

Надо отметить, представление, что игра экономического роста вдруг стала простой и легкой, коренится в уникальных результатах минувшего десятилетия, в течение которого почти все формирующиеся рынки впервые в истории действительно дружно и быстро росли. Но это вовсе не означает, что и следующее десятилетие будет таким же.

Последние пятнадцать лет одну неделю в месяц я проводил на том или ином развивающемся рынке; всесторонне изучал его, встречался со всевозможными местными персонажами и путешествовал по всей стране, чаще всего на автомобиле, а когда это было неудобно или просто невозможно, то даже на вертолете. Как сказал писатель Олдос Хаксли, «путешествовать — значит узнавать, что все, что вам рассказывали о других странах, неправда». Очевидно, что, просматривая таблицы Excel в уюте собственного офиса, вряд ли узнаешь, видят ли местные политики связь между здоровой экономикой и правильной политикой. А ведь от этого во многом зависит обозримое будущее любой страны, то есть, с моей точки зрения, в лучшем случае ее перспективы в ближайшие пять-десять лет. Кроме того, именно этот период мне представляется тем временем, в течение которого человек или организация по логике могут и должны отвечать за свои прогнозы или бизнес-решения.

После каждой поездки я взял за привычку описывать свои впечатления об увиденной стране; это не только помогает четко сформулировать мысли, но и гарантирует достоверность изложенных фактов. Надо сказать, редакторы Newsweek и The Economic Times проявляли к плодам моего труда особую снисходительность. Однако идея написать сразу обо всех развивающихся рынках неизмеримо масштабнее; чтобы ее реализовать, требуется значительно больше пространства, чем могут предложить журнальные и газетные колонки. Я уже давно подумывал написать книгу, но план этот принял четкую форму всего за несколько дней — после того как Тони Эмерсон, в течение многих лет превращавший мою колонку в Newsweek International во вполне читабельный текст, признался мне, что ужасно хотел бы заняться чем-то другим. Тут-то я и понял, что более подходящего и знающего человека, способного помочь мне воплотить эту мечту в жизнь, мне просто не найти.

Идея состояла в том, чтобы, пригласив вас всех в совместное путешествие, отправиться на поиск очередных экономических чудес и постараться вместе выяснить, куда же конкретно потекут все деньги мира в ближайшем будущем.

Итак, я собираюсь представить вам подробный отчет об экономических путешествиях, который сорвет покровы таинственности с процесса выявления реальных формирующихся рынков со «звездным» потенциалом, и инициировать дебаты на очень важную тему: у каких экономик больше всего шансов стать в ближайшем десятилетии прорывными.

Не все деревья вырастают до неба